

Тенденции взаимовстречаемости металлических украшений в сарматских памятниках Северного Причерноморья

Во все времена металлические украшения (из золота, серебра и бронзы) относились к кругу «вещей престижа» и свидетельствовали об определенном уровне богатства и высокого социального положения их обладателя. Традиционно из металла изготавливали: серьги, височные подвески, перстни, браслеты, нашивные пластины для декорирования одежды и различные типы шейных украшений – сложные ожерелья или гривны.

Серьги и височные кольца - один из видов личных украшений, наиболее часто встречаемых в погребениях. В отличие от серег, которые вдевали в уши, височные кольца крепили на головном уборе, налобной ленте и т. п. По конструкции этих предметов не всегда можно определить, с каким именно видом украшений мы имеем дело. В могилах и те, и другие находятся обычно в районе височных костей. В качестве формального признака для определения предмета как серьги можно использовать наличие аппарата застежки. Все формы колец без застежки могут быть названы височными кольцами, хотя прямых доказательства именно такого их назначения нет.

Браслеты – украшения запястий рук и ног, распространенные во всех культурах человечества. Украшение концов браслетов головками или фигурами животных (как и в случае с гривнами в ранний период), указывает на восточную традицию¹. По мнению Э. Рэм, необычно большие размеры некоторых браслетов позволяют сделать вывод о том, что их, возможно, изготавливали не для ношения, но в качестве дани или для посвящения в храм².

Однако, как справедливо отметила Е. Ф. Королькова, такие украшения могли носить в качестве наплечных браслетов, чему есть соответствия в изобразительном материале³. По мнению М. Ю. Трейстера, браслеты этого типа появляются в Северном Причерноморье около середины I в. н. э. и широко представлены в погребениях второй пол. I-II вв. н.э.⁴

Гривны - шейные украшения в виде обруча различных конструкций. Их изготавливали как из драгоценных металлов, так и из бронзы, железа и дерева. Обычай ношения этого украшения связывается традиционно с культурой варваров - персов, скифов, кельтов, германцев и других народов⁵. В глазах греков именно мужская шейная гривна была символом варварских народов - северных и восточных, хотя ношение гривен женщинами не рассматривалось как варварский обычай. Это отражено как в античной литературе, так и в древних изображениях. В греческом искусстве, по наблюдению В. Адлера, гривну стала изображать как атрибут чужеземных народов только со времени эллинизма. Это относится не только к северным варварам (кельтам или галатам), но также к скифам и персам⁶.

Мужские нашейные кольца восточных народов выделяют зооморфные окончания, а галатов или кельтов - простые утолщения без фигурных украшений. Во всяком случае, изображения гривны с зооморфными концами практически всегда означают «ориентальный» контекст.

Золотыми штампованными бляшками и пластинами с изображениями расшивали в древности ткани. Идея нашивать золотые пластины на одежду появилась очень давно. Из раскопок возле Варны в Болгарии происходят одни из древнейших золотых украшений одежды⁷. Известны металлические нашивные аппликации и в крито-микенской культуре.

Бляшки нашивали на ткань при помощи маленьких отверстий или напаянных с оборотной стороны петелек. Как правило, изображения выполняли в технике тиснения одним пуансоном. Главной стилистической особенностью большинства бляшек является геометризация формы, которая в условной манере передает тот или иной мотив. Данная особенность этих изделий в значительной степени затрудняет их осмысление.

Принадлежность пластинок к одному из жанров прикладного искусства, а именно к орнаменту, подтверждается, прежде всего, их назначением в качестве декоративного элемента одежды. Бляшки нашивали на ткань в определенном порядке, образуя различные орнаментальные композиции, с соблюдением ритма и принципа симметрии. В одном комплексе почти всегда встречается несколько разновидностей бляшек, каждая из которых представлена некоторым количеством экземпляров. К сожалению, в большинстве случаев не удается восстановить первоначальное расположение нашивок. Поэтому особенно ценна реконструкция орнамента на платье знатной сарматской женщины из Соколовой

могилы⁸. Среди многочисленных аппликаций, найденных в сарматских погребальных комплексах, выделяются экземпляры с растительными, геометрическими и зооморфными мотивами⁹.

Украшения из металла использовали все, хотя стоит признать, что наиболее часто они встречаются именно в женских погребениях. Важно помнить, что подобные украшения не были обязательным сопроводительным инвентарем – само их наличие в погребении свидетельствует об определенной исключительности умершего. Стоит отметить, что для сарматской культуры наиболее массовыми были украшения из бус и бисера (они встречаются даже в очень бедных захоронениях), из которых собирали ожерелья, браслеты на ноги и руки, расшивали одежду. Украшения из бусин зачастую дополняли и комплект из металлических украшений, богатейшие «царские» комплексы не становились исключением.

Вопрос о возможных центрах производства металлических украшений и принадлежности различных их типов к античной либо сарматской культурной традиции до сих пор остается открытым. Все ювелирные изделия и предметы торевтики из сарматских могил всегда считались импортными «по определению», и лишь сравнительно недавно начались попытки их разделения на привозную (италийскую, ближневосточную и т.п.) и местную (т.е. произведенную в античных центрах Северного Причерноморья) продукцию¹⁰.

Сравнение причерноморских драгоценностей с ювелирными изделиями Центральной и Западной Европы обнаружило достаточную разницу между ними¹¹. На их местное происхождение в мастерских Ольвии, Херсонеса или Боспора указывает отсутствие аналогий большинству украшений в европейских материалах, однако это единственный и притом косвенный аргумент: в причерноморских античных центрах до сих пор не обнаружено материальных следов подобного производства.

Украшения из металла известны приблизительно в 15% сарматских памятниках степей Северного Причерноморья.

Анализ взаимовстречаемости различных типов металлических украшений позволил выявить следующие характерные для сарматского времени наборы: браслет + серьги; браслет + перстень; серьги – нашивные пластины - аппликации, браслет + гривна; перстень + серьги.

В раннесарматское время металлические украшения встречаются достаточно редко.

Гривны - не являются характерным украшением для этого периода.

Браслеты составляют 10% металлических украшений периода, отличаются простотой формы (свернуты из проволоки) и зачастую изготовлены из бронзы. Из золота были выполнены только многовитковые браслеты в 6,5 оборотов из комплекса в дюне у пос. Солонцы Херсонской области¹².

Серьги и височные подвески – наиболее распространенная форма украшений; составляют 16% от учтенных. Встречаются преимущественно в виде простых колечек. Однако известны и более сложные формы, например, из комплексов в Солонцах Херсонской области, Червонной могилы у с. Соколово Днепропетровской области¹³, кургана № 56 у деревни Петуховка Николаевской области¹⁴, Смольяниново Луганской области¹⁵. Для этого периода характерно использование и одной серьги – 66%; и двух – 34%.

Перстни и кольца составляют 8% от учтенного материала. Варианты форм – от свернутых в несколько оборотов из проволоки до импортных экземпляров сложной формы (например, в комплексе из Солонцов Херсонской области).

Пластины-апликации (10%) – не отличаются большим разнообразием форм и большим количеством экземпляров в наборах.

Среднесарматский период характеризуется значительным всплеском использования металлических украшений разных типов, как в количественном, так и в качественном отношении. Именно к этому периоду относится большинство высокохудожественных изделий из драгоценных металлов. Среднесарматским временем датируются и богатейшие комплексы степей Северного Причерноморья, такие как Пороги¹⁶, Соколова могила¹⁷, Михайловка¹⁸.

Мода на использование браслетов (60%), серег (48%), перстней и колец (71%) для сарматов Северного Причерноморья в этот период достигает своего пика; существуют как простые, проволочные, так и сложные типы, что объясняется увеличением количества и качества импортных образцов, на основе которых разрабатывались местные формы.

Для этого времени характерно использование одного браслета – 67%; двух – 33%. Количество серег в погребениях зарегистрировано следующим образом: по одной – в 46%; по две – в 48%; более двух – в 6%. Использование одной серьги не зависело ни от половой принадлежности умершего, ни от степени его богатства. В далеко не рядовом погребении Камовой могилы (с. Родионовка Днепропетровской области) – была всего одна

серьга¹⁹, в сарматском комплексе группы «Водоканал» (г.Светловодск Кировоградской области) были непарные золотые серьги со вставками из граната и стекла. Это свидетельствует, в первую очередь, о высокой ценности сережек как личного украшения. Перстни преимущественно встречаются по одному – 82%; по два – 15%, более двух – 3%.

Шейные металлические украшения этого периода составляют 56% общей массы и представлены как простыми формами, так и сложными высокохудожественными композициями. Это шейные гривны (60%) и сложные ожерелья тонкой работы (40%). Гривна, как и металлическое ожерелье, в это время становится своеобразным атрибутом принадлежности к высшим социальным слоям. Известны случаи использования нескольких ожерелий и гривен одновременно. Например, в Соколовой могиле²⁰, п. 5, к. 8 у с. Писаревка Винницкой области²¹ и др. Формы гривен разнообразны. Это и простые, свернутые из проволоки изделия, и более сложной формы, оформленные в полихромном зверином стиле (например в мужском погребении у Порогов²²). Известны также случаи использования явно импортных экземпляров (клад у с.Залевки Черкасской области)²³.

Для пластин-аппликаций (75%) среднесарматское время становится периодом расцвета. Именно для него характерна наибольшая вариативность форм и самые богатые по количеству пластин комплексы. Кроме того, именно в среднесарматское время появляются первые известные в Северном Причерноморье случаи использования золотого шитья в качестве дополнительного декора одежды.

В позднесарматское время прослеживается тенденция к уменьшению использования металлических украшений. Формы изделий упрощаются, сокращается и количество экземпляров в погребениях.

Гривны и металлические ожерелья (44%) продолжают выполнять функцию атрибута принадлежности высшим социальным слоям. В большинстве случаев это свернутый из проволоки обруч. Как гривны, так и металлические ожерелья зачастую дополняются бусами, из которых то -ли состояли ожерелья, то-ли был расшит костюм.

Браслеты составляют 30% от учтенного количества. В этот период они в большинстве своем изготовлены из бронзы или серебра. Золотые экземпляры для эпохи не известны.

Серьги и височные подвески – наиболее распространенной форма украшений для этого периода – составляют 36% от учтенных. Встре-

чаются они преимущественно в виде простых колечек. При этом характерно использование одной серьги – 66%; двух – 34%.

Перстни и кольца – 21% от учетного материала. Варианты форм – от свернутых в несколько оборотов из проволоки до импортных экземпляров сложной формы со вставками.

Мода на пластины-аппликации в этот период постепенно исчезает (15% от общего количества). Они встречаются преимущественно в начале III в. н. э. и уже не отличаются большим разнообразием форм и большим количеством экземпляров в наборах.

Литература

¹ Amandry P. Orfèverrie achéménidè // Antike Kunst. – № I. – 1958. – S. 18ff. Tab. 13: 37, 38, Tab. 14: 41–45.

² Rehm E. Der Schmuck der Achämeniden. – Münster, 1992. – S. 48.

³ Королькова Е.Ф. Звериный стиль в оформлении гривен скифо - сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб., 2001. – С. 68.

⁴ Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н. э. – Симферополь–Бонн, 2007. – С. 145.

⁵ Adler W. Der Halsring von Männern und Göttern. Schriftquellen, bildliche Darstellungen und Halsringfunde aus West-, Mittel- und Nordeuropazwischen Hallstatt- und Völkerwanderungszeit. – Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bd. 78. – Bonn, 2003. – S. 13, 16.

⁶ Adler W. Der Halsring von Männern und Göttern. Schriftquellen, bildliche Darstellungen und Halsringfunde aus West-, Mittel- und Nordeuropazwischen Hallstatt- und Völkerwanderungszeit. – Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bd. 78. – Bonn, 2003. – S. 59.

⁷ Rehm E. Der Schmuck der Achämeniden. – Münster, 1992. – S. 210.

⁸ Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. – К., 1986. – С. 25.

⁹ Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских бляшках//Античная торевтика. – Л., 1986. – С.128-13.,Рис.1-5.

¹⁰ Трейстер М. Ю. Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек в I в. н. э. из Северного Причерноморья // Санкт-Петербургский археологический вестник. – Вып. 4. – СПб., 1993. – С. 87 – 96. ; Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская I в. н. э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках)//Северное Причерноморье в эпоху античности и

средневековья. – Тр. ГИМ. – Вып.159. – М., 2006. – С.245-258.

¹¹ Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. – СПб. 2011. – С. 94.

¹² Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – К.,1993. – С.15-18; Симоненко О.В. Раньосарматський період в Північному Причорномор'ї// Археологія. – 1994. – №1. – С.115, №42; Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н. э. – Симферополь–Бонн, 2007. – Кат. В.40.; Былкова В.П. Комплекс сарматского времени из села Солонцы Херсонской области. // СА. – 1993. – №1. – С. 164– 168.

¹³ Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. – Днепрпетровск, 1979. – С. 19, рис. 4,12.; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984. – С.107,вклейка фото 3.; Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – Днепрпетровск,1986. – С. 7,18.

¹⁴ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn,Gouv.Cherson(Sud-Russland)// Prähistorische Zeitschrift. – 1913. –№5. – S. 74; Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – К., 1992. – С.6 -9.; Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н. э. – Симферополь–Бонн , 2007. – Кат. А. 229.1.

¹⁵ Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. – К., 1972. – С. 148; Симоненко О.В. Раньосарматський період в Північному Причорномор'ї// Археологія. – 1994. –№1. – С. 106 №1; 121, рис.2.1; Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н. э. – Симферополь–Бонн, 2007. – Кат. В.39.1.

¹⁶ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо – Западного Причерноморья в 1 в. н.э. – К., 1991; Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. – 1992. – №3. – С.148 – 162.

¹⁷ Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. – К., 1986. – 152 с.

¹⁸ Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро – Дунайского междуречья. – Вып.2. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. – К., 1990. – С.19; Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестро – Прутского междуречья. – Кишинёв, 1990. – С.92; Симоненко А.В. Михайловские «рюмки» // Северное Причерноморье в античное время. – К., 2002. – С.132 – 136.

¹⁹ Мельник А.А. Работа Криворожского историко-краеведческого музея.// Археологические открытия за 1986 г. – М., 1988. – С. 311; Simonenko A.V. Sarmatian relics of the “Eastern Wave” in the North Pontic Region.// Silk Road Art

and Archaeology 8, 2002. – S.27 : Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н. э. – Симферополь–Бонн, 2007. – Кат. А. 102,2.

²⁰ Ковпаненко Г.Т. Указ. соч... – С. 28-30.

²¹ Загоруйко В.Т. Звіт про проведення охоронних археологічних досліджень в 1992 році курганного могильника біля села Писарівка Ямпільського району Вінницької області // Архів ІА НАНУ, ф.е. 24987, 1992/48.

²² Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо–Западного Причерноморья в 1 в. н.э. – К., 1991. – С. 25–26; Рис.15; Трейстер М.Ю. Гривна из сарматского погребения у с. Пороги. // ВДИ. – 1995. – №1. – С. 148 – 152.

²³ Бобринский А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Вестник раскопок 1887 – 1889 гг. – СПб., 1894. – С. 153, №103 - 104, таб. XXI, 2; Adler W. Указ. соч. – С. 279,378; Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ... – Кат. В.11.1.

Вертієнко Г. В.

Дзеркало в скіфській та іранській ритуалістиці

Предметом даної статті є дослідження місця та функцій дзеркала в ритуалі іраномовних народів. Добре відомо, що в Скіфії дзеркало було сталим атрибутом поховального інвентарю. Однак такої археологічної інформації недостатньо для реконструкції ритуальної практики скіфів, пов'язаної з цим предметом. До числа найважливіших образотворчих джерел за темою дослідження належать золоті нашивні пластинки, які застосовували в урочистому поховальному вбранні скіфських аристократів у другій пол. IV ст. до н.е., відомі, зокрема, з курганів Куль-Оба (рис.1), Чортотлик, Носаки (рис. 2), Мелітополь, Перший Мордвинівський (рис. 3), Огуз і Верхній Рогачик із сюжетикою жіночого божества з *дзеркалом*¹ та юнаком з ритонном². Їх змістовне наповнення неодноразово привертало увагу дослідників.

Роль дзеркала на серії вказаних бляшок інтерпретувалась як атрибут жіночого божества, передусім божества землі, родючості, безпосередньо пов'язаного з культом сонця; як маркер божественної влади, що уособлює життєвий (жіночий) початок; або ж як джерело магічних сил³.